

Литература

1. Леонов Л. М. Вор: роман. М.: Издательство «Эксмо», 2014. 640 с.
2. Вахитова Т. М. Инфернальные героини Леонида Леонова перед бездной // Русская литература XIX-XX вв.: Поэтика мотива и аспекты литературного анализа. Новосибирск: Издательство «СО РАН», 2004. С. 98-111.
3. Вахитова Т. М. Художественная картина мира в прозе Леонида Леонова (структура, поэтика, эволюция). СПб.: Издательство «Наука», 2007. 317 с.
4. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л.: Издательство «Советский писатель», 1979. 223 с.
5. Жиро М. Характеры-двойники и характеры-антитезы // Большой мир. Статьи о творчестве Л. Леонова. М.: Издательство «Московский рабочий», 1972. С. 82-119.
6. Зотов С. Н. Основы анализа системы персонажей литературно-художественного произведения. Таганрог: ТГПИ, 1991 [Электронный ресурс]: URL: <http://czotov.ru/content.php?id=99125> (15.05.2016).
7. Ковалев В. А. Этюды о Леониде Леонове. М.: Издательство «Современник», 1978. 328 с.
8. Хрулев В. И. Роман «Вор» и духовная эволюция Л. Леонова. [Электронный ресурс]: Хронос. URL: http://www.hrono.ru/text/2005/hrulev04_05.html (16.05.2016).

Т. А. Галлямова, г. Тюмень

«ЮЖНАЯ РУСЬ» В РОМАНЕ И. А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»

Объект нашего исследования — роман Бунина «Жизнь Арсеньева». **Предметом** исследования являются особенности образа «южной Руси» в романе Бунина «Жизнь Арсеньева».

Актуальность темы данного исследования связана с возрастающим интересом литературоведов к творчеству И. А. Бунина. «Жизнь Арсеньева» — роман, который был написан в эмиграции. Он является одним из итоговых произведений Бунина. Актуальность исследования образа «южной Руси» и способов его репрезентации в творчестве Бунина обусловлена особым отношением Бунина-эмигранта к русской земле. Земля у Бунина — образ не только пространственный, но и феноменологичный. Этот образ может быть одновременно субъектом и объектом. Он наделяется способностью воздействовать на человека.

Новизна работы состоит в рассмотрении поэтики изображения образа «южной Руси» в аспекте пространственной организации и способов его художественной репрезентации в романе «Жизнь Арсеньева». «Южная Русь» рассматривается как «интертекст», выявляется характер «диалогических отношений».

Для Бунина место — это не только география страны, но и география русской литературы, где каждый художник пишет о своей земле. Пребывание в привычном, «своем», освоенном месте, провоцирует стремление героя к новому пространству. По словам Гоголя, «только карта, с ее конкретной географией мест отсылает к подлинной России» [2; 253]. Художник наполняет эту «карту красками». Герой романа — Арсеньев отправляется в путешествие на юг, где особо остро ощущает свою связь с русской землей, с историей Древней Руси, с древнерусской литературой. Еще, будучи в Харькове, он признавался, что был пленен «Словом о полку Игореве», ему хотелось покинуть город «и на Донец, воспетый певцом Игоря, и туда, где все еще, казалось, стоит на городской стене, все на той же древней ранней утренней заре, молодая княгиня Евфросиния» [3; 215]. Согласно классификации М. М. Бахтина, «диалогические отношения» Бунина с древнерусской литературой, безусловно, имеют форму согласия. При этом автор прибегает к вольному пересказу или точному цитированию. Понятие «диалога» было близко древнерусской литературе. В статье «Литература эпохи «Слова о полку Игореве» Д. С. Лихачев приходит к следующему выводу: «Произведения составляют литературу, когда они связаны между собой в некое органическое единство, влияют друг на друга, «общаются» друг с другом, входят в единый процесс развития и несут совместно более или менее значительную общественную функцию. При этом она становится литературой единой»

темы — темы Русской истории, литературой единой идеи — идеи необходимости единения» [3; 5]. Этим же объясняется большое количество цитат из произведений русской литературы, в том числе древнерусской, в романе «Жизнь Арсеньева». Ставя себя в один ряд с писателями русской земли, Бунин достигает литературного и духовного единения. Лихачев отмечает, что «для древнерусской литературы характерно широкое видение Русской земли, как бы «панорамное зрение», которое охватывало Русь одновременно в разных ее концах» [3; 18]. Цитаты из литературных произведений и реальные перемещения героя по географической карте русской земли открывают перед читателем «панорамное видение».

«Слово о полку Игореве» является пробразом русской литературы в целом и служит своеобразным призывом к объединению русской земли. «Южная Русь» — пространство не только географическое, но и мифопоэтическое, так как связано с многовековой историей, легендами и фольклором. В этом пространстве преобладает природное начало, буйная растительность, а это значит, что такая земля полна событий. И. Тэн в своей работе «Философия искусства» рассматривает связь между искусством и территорией, пространством и местом и вводит понятие «психологии той или иной страны» [5; 115]. Наблюдения над текстом Тэн предлагает начинать с почвы, то есть, с земли, которая может оказывать влияние на темперамент и мировоззрение человека, принадлежащего к определенной местности. Если, согласно И. Тэну, охарактеризовать рельеф пространства «южной Руси», то земля будет преобладать над небом, а горная местность будет преобладать над плоскостью. В статье «О понятии географического пространства в русских средневековых текстах» Ю. М. Лотман вводит понятие «святых и прекрасных земель»: «Святые земли» обладают благоприятным климатом и, соответственно, веселие в этих краях составляет норму жизни» [4; 117]. «Прекрасная земля — «святая земля», путь в которую долог» [4; 117]. В романе «Жизнь Арсеньева» прекрасной землей становится пространство «южной Руси». Это место, которое является источником вдохновения для писателя. Большую значимость приобретают мотивы старины, древности, рода и творчества.

Точные цитаты из «Слова о полку Игореве» авторитетны и традиционны: «звенить слава в Киеве; трубы трубят в Новеграде <...> Тогда вступи Игорь князь в злат стремя и поеха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше <...> Див кличеть вреху древа, велить послушати земли незнаеме ...» [1; 224]. Бунин приводит эти отрывки для усиления чувственности восприятия русской земли. «Своя» земля противопоставлена «чужой» земле. «Чужая», незнакомая земля является субъектом, враждебным герою («Солнце тьмою путь заступаше»). В цитатах прослеживаются характерные фольклорные образы — образ чистого поля, коня, древа. Образ поля остается доминантным пространственным образом даже в иллюзорном пространстве сна: «Игорь спит, Игорь бдит, Игорь мыслию поля мерить от Великого Дона до Малого Донца...» [1; 224]. Посредством «чужого слова» в роман вводится мотив вещего сна: «Святъслав мутен сон виде...» [1; 224]. Неопределенность в жизни главного героя, его душевные метания отражаются в зловещем сне Святослава.

«Своя» земля — живой образ, к которому обращаются, слышат и чувствуют, за который отдают жизни. Художественной манере Бунина близки идеи преломления света («Солнце ему путь тьмою заступаше»), особая ритмика, музыкальный строй речи, звуковое восприятие («ржуть», «звенить», «трубы трубят», «стонущи», «кличеть») и дальше: «Орли клетком на кости зовуть, лисици брешутъ на чърленые щиты. <...> О Русьская земле!» [1; 224]. Русская земля — субъект, к которому обращаются, с которым вступают в «диалогические отношения». Места, которые посещает герой, напрямую связаны с преданиями и хранят легенды старины. Человек поражен этим пространством, в котором преобладает мотив свободы. Через географические и поэтические образы герой познает свою землю, прибегая к вольному цитированию: «Был на тех самых берегах, где когда-то кинулся из плена князь «горностаем в тростник, белым гоголем на воду»; потом был на Днепре, как раз там, где «пробил он каменные горы сквозь землю Половецкую» [1; 224]. Эти цитаты являются «голосом» места. В сознании русского человека звучат слова из «Слова о полку Игореве»: «Солнце светится на небеси, Игорь Князь в Русьской земли! Девици поють на Дунаи. Вьются голоси через море до Киева...» [1; 224]. От Киева герой едет на Курск, на Путивль. Забыв о железной дороге, автор мысленно перемещается в пространство древнерусской литературы, обращаясь к образу коня: «Седлайте, брате, свои борзьи комони, а мои ти готови, оседлани у Курьска наперед...» [1; 225]. Через слово «брате» раскрывается мотив рода, родовая связь со славянами. «Обживание» пространства русской земли происходит постепенно. Арсеньев признается, что «только много лет спустя проснулось в нем чувство Костромы, Суздаля, Углича, Ростова Великого» [1; 156].

Для Бунина древность намного важнее, чем внешний облик города. Представление о чем-то и воображение — это та движущая сила, которая задает направление движения: «иногда какое-нибудь мое пред-

стваление о чем-нибудь вызывает во мне такое мучительное стремление туда, где мне что-нибудь представилось, то есть к чему-то тому, что за этим представлением, — понимаешь: за! — что не могу тебе выразить!» [1; 324]. Отсутствующее, но выраженное синтаксической конструкцией «ты» (местоимение «тебе») обозначает новые отношения «говорящего» и читателя. Это особый прием выражения «я» и «не я» в тексте, отражающий опыт самопонимания субъекта речи, «диалогические отношения» доверия. Получается, что человек зависим не только от самого места, но и от своих представлений о нем. Предлог «за» обозначает личный опыт человека, воображение и мир мысли, который находится за пределами общих знаний и представлений. «И что нужды, что был «Курьск» только скучнейшим губернским городом, а пыльный Путивль был, верно, и того скучней! *Разве не та же глушь, пыль была и тогда, когда на ранней степной заре, на земляной стене слышен был «Ярославин глас»?*» [1; 156]. Пространство «южной Руси» напоминает пространство «глухой Руси», родной земли автора, приобретает мотив «глухости», достигая «вневременности»: «скучнейший», «пыльный». Место определяется историей русской земли и личным восприятием этой истории. В данном контексте можно говорить о «феномене культурной памяти» (термин Лотмана) и прапамяти: «Да, вот Полоцк, что меня тянуло туда? С этим словом — Полоцк или, по-древнему, Полотъск — у меня давно соединилось предание о древнем киевском князе Всеславе, которое я где-то прочел еще в отрочестве: он был свергнут братом с престола, бежал «в темный край полочан» и доживал свой век «в скудной бедности», в схиме, в молитвах, в трудах и в «прельщениях памяти» [1; 323]. «Диалогические отношения» приобретают форму пересказа. Слово — «полусвое и получужое», этическое. В образе князя Всеслава автор видит себя самого. Это ему приходится пребывать в «прельщениях памяти», на «чужой» земле. Мотив сна, иллюзии передает эмоциональное состояние героя, психологизм.

В данной работе мы приходим к следующему заключению: литература помогает открыть новый мир, поэтому важным является понимание «южной Руси» как образа, воссозданного древнерусской литературой, которая наполняет этот образ новыми ассоциациями, «голосами», а сам писатель дает ему новую жизнь в слове. «Обживание», «переживание» русской земли помогает создать целостное представление о ней, открыть в себе любовь к «своей» земле, пробудить «прапамять».

Литература

1. Бунин, И. А. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 6. Жизнь Арсеньева. Юность / Иван Алексеевич Бунин; под общ. ред. А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского. — М.: Художественная литература, 1966. — 340 с.
2. Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений: 8 т. / Николай Васильевич Гоголь. — М.: Художественная литература, 1978. — 8 т.
3. Лихачев, Д. С. Литература эпохи «Слова о полку Игореве» / Д. С. Лихачев // Памятники литературы Древней Руси. XII век. — М.: Просвещение, 1980. — С. 5-22.
4. Лотман, Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах / Ю. М. Лотман // О русской литературе. Статьи и исследования: история русской прозы, теория литературы. — СПб.: Искусство, 2005. — С. 113-118.
5. Тэн, И. Философия искусства / И. Тэн. — М.: Республика, 1996. — 351 с.

М. О. Ганина, г. Тюмень

МИФЕМЫ «ХЛЕБ» И «МОЛОКО» В СТРУКТУРЕ ПЕРСОНАЖА ПЬЕСЫ Е. Л. ШВАРЦА «ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО»

Текст пьесы до её постановки и публикации в 1956 году неоднократно подвергался изменениям. Генезис и реализация «Обыкновенного чуда» составляют большую протяженность во времени, охватывают широкий пласт советской эпохи, от Великой Отечественной войны и до развенчания культа личности Сталина. Задумана пьеса была в 1944 году, когда писатель находился в эвакуации.